

ПЛЕНАРНАЕ ПАСЯДЖЭННЕ

УДК 82.32

Шаталова Ольга Васильевна

профессор кафедры русской филологии и журналистики
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»;

доктор филологических наук, доцент
(г. Елец, Россия)

«ТАЛАНТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ» КАК МЕРИЛО ДУШЕВНОЙ ЗРЕЛОСТИ: ГЕРОИ А. АЛЕКСИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье обозначаются основные проблемы развития личности и общества, представленные в произведениях А. Алексина: противостояние человечности и жестокости, искренности и лицемерия, душевной красоты и мелочности. Психологизм анализируемых произведений заключается в непредвзятом выявлении тонких движений души, определяющих сущность, целостность и нравственность личности.

Анатолий Георгиевич Алексин – писатель, чье творчество формирует уникальную нишу в детско-юношеской литературе: вопросы развития личности ребенка, отношений с родителями, сверстниками, учителями – ключевые для его произведений и, несомненно, актуальные.

Однако в современной школьной программе повести и рассказы Алексина занимают периферийные позиции, в среде так называемого масс-мейдийного читательского пространства его герои не конкурируют за верхние строчки рейтингов... Такое необоснованное положение можно попытаться объяснить динамикой современной действительности и изменениями в психологии общества. Однако, на наш взгляд, проблематика произведений Алексина, напротив, именно сегодня обретает силу звучания. Выражаясь современным языком, можно было бы сказать, что «Раздел имущества» – это о семейной агрессии, «Безумная Евдокия» – о буллинге, «Сигнальщики и Горнисты» – об эгоцентризме. Но нельзя нравственные общественные и личностные нарды, которые с точностью хирурга и пронзительностью художника вскрывает Алексей Георгиевич Алексин, обозначать хлесткими терминами популярной психологии. Потому что писатель рассматривает любую нравственно напряженную ситуацию через призму человечности. И каждый его герой

– подросток или взрослый (по физическим параметрам) человек – обретает зрелость, становится личностью исключительно в горниле очистительного пламени, выбирая между правдой и лицемерием, добротой и эгоизмом.

В мире обыденности, жестокой в своей рациональности и стремлении к вещественной успешности, именно наивный взгляд ребенка становится лупой, показывающей убожество внешне привлекательного искусственного мира. Так, Верочка – девочка с родовой травмой и диагнозом младенческого критинизма (рассказ «Раздел имущества») – замечает, что «все хотят выглядеть красиво. Одна из главных человеческих слабостей» [1, с. 9], (что, кстати, в современном обществе позиционируется как определяющий фактор жизненной успешности). К сожалению, стремление ВЫГЛЯДЕТЬ, а не БЫТЬ не обеспечивает подлинную красоту: и внешнюю, и внутреннюю. Поэтому вычурно, неестественно выглядит вся квартира, заставленная цветами в честь возвращения Верочки и бабушки из деревни после того, как мама отказалась принять в доме старую большую родственницу, воспитавшую в свое время бабушку. Верочка точно подмечает: «Мама упорно настаивала, чтобы мы ее «правильно» поняли. Но я знала: об этом просят тогда, когда поступают неправильно» [1, с. 9]. И когда мама Веры, возмущенная тем, что девочка в сочинении на тему «Главный человек в моей жизни» написала о бабушке, которая своей любовью, неизбытной заботой и «незамечанием» болезни спасла внучку, инициирует судебный раздел квартиры – имущества – с бабушкой, девочка понимает, что делят ее – как имущество, на которое мама претендует «по праву рождения». Заметим, насколько драматично подобная проблематика соотносится с современными семейными имущественными вопросами: в масс-медийном пространстве фактически не используется слово «дети», например, по отношению к известным людям. Пишут: «наследник»/«наследница». Словно отношения в семье выстраиваются исключительно по отношению к материальным ресурсам. Именно в этом заключается трагедия: люди не понимают, что нельзя БОРОТЬСЯ за любовь – надо просто любить, надо не бороться за ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ, а восхищаться ПРИРОДОЙ, не ГОВОРИТЬ об уважении личности, а ЦЕНИТЬ человека.

Определяя поиск личностных ориентиров как основу мотивации в поведении героев-подростков 50-70 годов XX века [2], Анатолий Геор-

гиеевич Алексин делает акцент на зарождающемся в тот период эгоцентизме, красиво оформленном, точнее, завуалированном идеями свободы личности, ценности индивидуальности, стремления к самосовершенствованию. Именно такие ценности декларирует геройня рассказа «Безумная Евдокия» Оля, «которая училась в художественной школе для особо одаренных детей» [2, с. 183]. Она отстаивает свое право быть уникальной, поступать не так, как все – масса, по ее мнению, не способных думать самостоятельно ординарных учеников школы. Именно Оля придумывает прозвище для учительницы Евдокии Савельевне, которая главным девизом педагогической школы считает коллективизм, что предельно возмущает Олю и ее отца, попавшего под магнетизм родительской любви: «“Все”, “со всеми”, “для всех” – без этих слов не обходилось ни одно ее заявление», – иронично и почти обвинительно констатирует рассказчик [2, с. 183], не замечая важности того, что сам же выявляет в поведении Евдокии Савельевны: она умела находить хорошее, ценное, отличающееся от других в каждом своем ученике, даже если это всего лишь приобретенный навык начертить прямую линию или написать заголовок в стенгазету. Повествование балансирует на тонкой грани. С одной стороны – читательская симпатия к красивой, талантливой, ироничной, несколько жесткой в своих суждениях, целеустремленной Оле, кстати, удивительно гармонично вписывающейся в современные стандарты успешной личности. С другой – первоначальное недоумение перед сочетанием внешней несуразности и внутренней «однонаправленности» Евдокии, перерастающее в глубокое уважение к человеку, умеющему действительно уважать человека, ценить и бережно относиться к его внутреннему миру. Даже в ситуации, когда из-за безответственности Оли, ее неумения думать о ком-либо, кроме себя, больное сердце мамы не выдерживает, Евдокия Савельевна пытается облегчить состояние девочки: «Потом всполошилась еще сильней: – Оля может принять всю вину на себя. Эта ноша окажется для нее непосильной! <...> Я понял, что она решила разделить тяжесть ноши с моей дочерью» [1, с. 206], – говорит наконец-то осознавший всю глубину своих родительских заблуждений рассказчик, посмотревший на ситуацию прямо, без ложно-избыточной любви к своему ребенку, приведшей к развитию не индивидуальности, а индивидуализма.

Рассказы Анатолия Георгиевича Алексина заставляют задумываться о вечных вопросах бытия, в центре которого всегда человек. С живым

сердцем. С тонкой душой. С трепетными чувствами. По крайней мере писатель хочет видеть человека именно таким и надеется, что жизнь поможет каждому понять, что уникальными нас делает общее – доброта, человечность, искренность.

Особая интонация и сложное сочетание прямых, почти дидактических сентенций и скрытых, подтекстовых ассоциаций создают уникальную повествовательную манеру Алексина, которая может показаться читателю неактуальной. Но, глядя на современную молодежь через призму «алексинского» взгляда, хочется верить, что произойдет не только «возвращение» этого писателя в широкий читательский круг, но и его «талант человечности» окажется тем ветром, который направит паруса юности к чистоте взгляда на мир.

Список использованной литературы

1. Алексин, А. Г. Сигнальщики и Горнисты / А. Г. Алексин // Алексин А. Г. Повести. – М. : Мол. гвардия, 1983. – 430 с.
2. Снешилова, В. П. Формы и приёмы психологического изображения героини повести А.Г. Алексина «Записки Эльвиры» / В. П. Снешилова, О. М. Култышева // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 6(109). – С. 472-475. – DOI 10.24412/1991-5497-2024-6109-472-475.